

Панаев Иван Иванович

**Хлыщи. Великосветский
хлыщ. Провинциальный
хлыщ. Хлыщ высшей школы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Иванович П.**
Хлыщи. Великосветский хлыщ. Провинциальный хлыщ. Хлыщ высшей школы / Панаев Иван Иванович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 257 с.

ISBN 978-5-521-27191-7

ISBN 978-5-521-27191-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

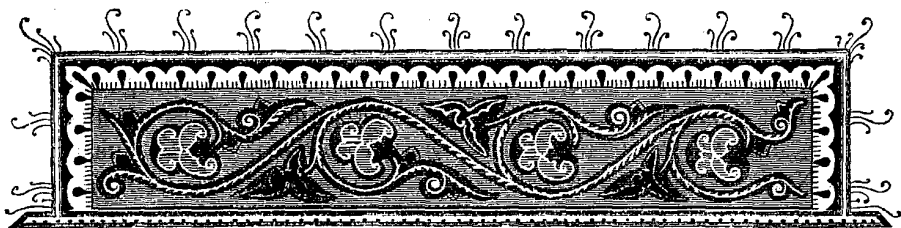
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЕЛИКОСВѢТСКІЙ ХЛЫЩЪ.

ГЛАВА I.

ДАГЕРОТИПЪ СЪ АРТИСТИЧЕСКАГО СЕМЕЙСТВА И ОБЪЯВЛЕНІЕ КАКЪ
ПРІЯТНО ПРОВОДИТЬ ВРЕМЯ ВЪ ТАКИХЪ СЕМЕЙСТВАХЪ.

Я знаю лѣтъ двадцать Грибановыхъ. Отличнѣйшее семейство, и притомъ съ артистическими наклонностями. Музыка, скульптура, живопись, литература составляютъ жизнь этого семейства. Оно совсѣмъ погружено въ изящное. Всякій артистъ, какой бы маленькій талантикъ ни имѣлъ, въ какой бы крошечной сферѣ ни дѣйствовалъ, хотя бы только искусно игралъ на балалайкѣ, навѣрно будетъ принятъ въ этомъ почтенномъ семействѣ съ распростертыми объятіями. Литераторъ бѣжитъ туда читать свое новое произведеніе, еще не оконченное; художникъ показать свои эскизы, только что набросанные небрежно карандашомъ, и въ которыхъ ровно ничего разобрать нельзя—и тотъ и другой увѣрены, что найдутъ глубочайшее сочувствіе. Хозяинъ дома, съ большимъ искусствомъ вырѣзывающій изъ бумаги силуэты; его свояченица, замѣнившая въ домѣ умершую хозяйку, превосходно лѣбящая цвѣты изъ воска; сынъ, пишущій стихи; дочь, занимающаяся живописью и музыкой,—всѣ ахаютъ и восхищаются, слушая новое произведеніе литератора и разсма-

тривая новые эскизы художника, и потомъ повторяють своимъ знакомымъ, въ теченіе по крайней мѣрѣ мѣсяца, каждому по очереди: «Ахъ, какую повѣсть читалъ намъ N.N.!».. «Ахъ, какіе эскизы показывалъ намъ Д.Д.!...» «Ахъ, сколько у нихъ таланта!...» и проч. Доброта этихъ людей простирается до того, что они приходятъ въ восторгъ отъ всякаго, даже плохаго произведенія, если только оно въ первый разъ прочитано или показано въ ихъ домѣ. Правда, о произведеніяхъ замѣчательныхъ и талантливыхъ, которыя не были имъ читаны или показаны, отзываются они хладнокровно, но это вслѣдствіе искренняго убѣжденія, что ни одно замѣчательное произведеніе не можетъ не быть предварительно имъ извѣстно, что всѣ художники, поэты, музыканты, скульпторы, литераторы, пѣвцы и пѣвицы, знакомые имъ—люди, непременно обладающіе высокими талантами, и что тѣ, которые не имѣютъ этой чести, едва ли могутъ имѣть и дарованіе. Нѣжная привязанность другъ къ другу, соединяющая членовъ этого семейства, по истинѣ замѣчательна. Отецъ обожаетъ своихъ дѣтей, дѣти обожаютъ отца, тетка обожаетъ племянника, племянникъ тетку... Въ этомъ домѣ всѣ обожаютъ другъ друга. Если отецъ вырѣжетъ какой-нибудь новенькій силуэтикъ, сынъ немедленно приходитъ отъ него въ восхищеніе и бѣжитъ къ теткѣ.

— Посмотрите, говоритъ онъ:—какую удивительную вещь вырѣзалъ папенька, съ какимъ вкусомъ, съ какимъ изяществомъ, это просто художественно!

— Ахъ, какая прелесть! восклицаетъ восхищенная тетка.

Если сынъ напишетъ стихотвореніе и прочтетъ его отцу и теткѣ, отецъ, пожимая плечами отъ удивленія, со слезой на рѣсницѣ восклицаетъ:

— У, какъ это хорошо! Какой стихъ! Какая мысль! Я никогда ничего не слыхалъ лучше этого!

И при этомъ голосъ отца задремезжитъ, умиленный, какъ порванная струна.

— Это маленький *chef d'oeuvre*! вскрикнетъ тетка, всплеснувъ руками.

Затѣмъ оба они, отецъ и тетка, закричатъ:

— Пелагея Петровна! Пелагея Петровна! Пелагея Петровна!

Приживалка, въ родѣ ключницы, прибѣжить на этотъ крикъ, запыхавшись, но съ пріятной и подобострастной улыбкой, которая замерла на лицѣ ея и которая не оставляетъ ея даже въ самыя горькія минуты ея жизни.

— Что прикажете-съ?

— Послушайте-ка, матушка, скажетъ отецъ, прицѣлнувъ языкомъ:—какіе новые стихи написалъ Иванъ.... лучше ничего не было написано на рускомъ!

— Ахъ, какіе стихи! повторить тетка.—Пожалуйста, другъ мой, не полѣнись, прочти еще разъ.

И она нѣжно взглянетъ на племянника. Племянникъ мгновенно повинуется и начнетъ читать; отецъ между тѣмъ качаетъ въ тактъ головой во время чтенія, и, смотря на Пелагею Петровну, говоритъ:

— Слушайте, слушайте! (хотя та и безъ того благоговѣйно слушаетъ, даже разиня ротъ отъ излишняго вниманія).—Каковъ стихъ-то! Каковъ стихъ-то. Замѣчаете, а?

И ударить по плечу Пелагею Петровну, а самъ такъ и зальется слезами, хоть бы стихи были комическаго содержанія.

Вечеромъ, когда явятся гости, сначала приживалка, разливая чай, шепнетъ непремѣнно каждому на ушко: «Иванъ Алексѣичъ написалъ новое неподобное стихотвореніе!» Потомъ отецъ, не болѣе какъ черезъ четверть часа послѣ приживалки, барабаня по столу, не утерпитъ и вдругъ брякнетъ среди разговора вовсе не кстати:

— Что, Иванъ ничего вамъ не показывалъ?

— Нѣтъ-съ, отвѣтитъ гость.

— Заставьте его прочесть: онъ написалъ новое стихотвореніе... Это вещь капитальная, необыкновенно хорошо! Изъ него вырабатывается что-то очень серьезное!

И открытое, добродушное лицо старика выразитъ столько счастья при мысли, что онъ произвелъ на свѣтъ такое гениальное дитя, что и гость, даже самый нечувствительный, невольно разчувствуется.

Тетка въ свою очередь, съ свойственною ей любезностію и пріятностію занимая гостей, не упуститъ вернуть словцо:

— Я знаю, ш-г такой-то, что вы любите поэзію, или интересуетесь литературой (что-нибудь въ родѣ этого).— Ахъ! если бы вы знали, какое Иванъ Алексѣичъ написалъ стихотвореніе! Мнѣ, какъ родной, совѣстно хвалить, но вы сами услышите. Погодите, я его упрощу прочесть.

И она начнетъ искать глазами племянника. Но племянникъ вдругъ какъ изъ-подъ полу выскочить передъ теткой, сладко улыбнется гостямъ, посмотреть на нихъ заискивающими глазами и скажетъ:

— Нѣтъ, тетушка, это право не стоитъ того, довольно слабая вещица, когда нибѣдъ послѣ, не теперь.

Но тогда гости начинаютъ приставать къ нему:

— Пожалуйста прочтите, сдѣлайте одолженіе, мы такъ много слышали....

— Ну прочти же, братецъ, прочти, вскрикнетъ вдругъ откуда-то появившійся отецъ.

Около поэта составится кружокъ, и онъ начнетъ декламировать, изрѣдка прерываемый восклицаніями: «Превосходно, прекрасно!» Послѣ декламации, тетка отведетъ одного или двухъ гостей въ сторону и произнесетъ шепотомъ: «Не правда ли, какой талантъ?» На что гостямъ ничего болѣе не остается какъ отвѣчать: «О, удивительный!»

Иногда сынъ потащитъ гостей въ кабинетъ отца, и скажетъ имъ:

— Позвольте-ка, господа, я вамъ покажу чудную вещицу. Папенька вырѣзалъ недавно цѣлый пейзажъ.

И входя въ кабинетъ, онъ начнетъ рыться въ портфель отца, приговаривая:

— Куда это старикъ зарылъ его? Не любить, чтобы смотрѣли... Чудакъ!... да мы отыщемъ... погодите... Вотъ, вотъ, вотъ!... Взгляните, какъ хорошо задумано, рассмотрите эту фигуру, сколько въ ней выраженія, а это дерево? Вѣдь это дубъ, настоящій дубъ!... Вглядитесь хорошенько... Какое искусство!

И гости рассматриваютъ и удивляются. Въ такія минуты всегда нечаянно входитъ отецъ:

— Иванъ, Иванъ, говоритъ онъ, грозя ему пальцемъ:— что это, полно, братецъ: ну стоитъ ли это смотрѣть... Это такъ я шалю на старости, отъ нечего дѣлать.

— Помилуйте! восклицаютъ гости:—какая это шалость! Это чистѣйшее искусство!

— Оно такъ точно недурно, замѣтитъ старикъ, постепенно увлекаясь, и продолжаетъ уже голосомъ, дрожащимъ отъ умиленія:—вотъ обратите вниманіе особенно на эту коровку, что наклонилась къ водопою.. Поль-потеровская, коровка-то! Сколько жизни въ этомъ движеніи, замѣтѣте, замѣтѣте.... Ахъ, кабы не лѣта, глаза ужъ служить отказываются, не то бы я еще сдѣлалъ!

И у старика закапаютъ слезы....

Въ квартирѣ Грибановыхъ, за исключеніемъ будуара и гостиной, устройствомъ которыхъ занимается Лидія Ивановна (такъ зовутъ тетку), совершенно артистическій безпорядокъ: на столахъ валяются старыя рукописи, исписанныя стихами, клочки бумаги съ различными вырѣзками, краски, книги, рисунки, и все это покрыто постоянно слоемъ пыли; но за то будуаръ и гостиная, это, такъ сказать, небольшіе храмы изящнаго: занавѣсочки, этажерочки, куколки, дѣланый и настоящій плющъ, гравированныя картинки, коврики, вышитыя подушки съ кисточками, цвѣтныя фонарики, пресъ-папье, бронзовыя ручки, ножи для разрѣзыванія книгъ, печатки—все это размѣщено съ замѣчательнымъ искусствомъ на весьма маломъ пространствѣ. Въ одномъ только углу будуара груды воску и краски; этотъ уголокъ Лидія Ивановна называетъ своимъ *ателье*. Лидіи Ивановнѣ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но при вечернемъ освѣщеніи она кажется несравненно моложе своихъ лѣтъ, чему не мало способствуютъ различныя украшенія ея туалета: пугольки, бантики, кружевца, цвѣточки, употребляемые ею въ большомъ количествѣ. Она говоритъ обыкновенно голосомъ тихимъ, болѣе походящимъ на шепотъ, и недосказанное или недослышанное договариваетъ глазами, на которые, кажется, значительно рассчитываетъ, потому что эти глаза, по замѣчанію старожилловъ, производили большое впечатлѣніе... Въ выраженіи лица и во всѣхъ ея движеніяхъ необыкновенная мягкость, которую только злые языки называютъ лицемерною сладостью.

Алексѣй Аванасычъ (такъ зовутъ г. Грибанова) отли-

чается простотою обращенія, искренностью въ рѣчахъ и въ манерахъ, совершенною безцеремонностью, способностью отъ всего умиляться и постоянно слезящимися глазами. Онъ весь на распахку для всѣхъ входящихъ въ его домъ... Ему и въ голову не приходитъ, чтобы человѣкъ дурной, насмѣшливый или подозрительный могъ перешагнуть черезъ порогъ его квартиры. Со всѣми одинаково простодушень и привѣтливъ, — онъ при всѣхъ, даже при постороннихъ дамахъ, является всегда по домашнему: въ затасканномъ сюртукѣ и въ старыхъ плисовыхъ туфляхъ, съ листомъ бумаги и съ ножницами. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ; но онъ кажется старѣе своихъ лѣтъ, потому что не имѣетъ ни малѣйшаго поползновенія бодриться и молодиться. Въ чертахъ его лица много пріятности, которая невольно располагаетъ къ нему съ перваго взгляда. Онъ не вмѣшивается ни во что въ домѣ, и если у него о чемъ-нибудь спрашиваютъ, то обыкновенно отвѣчаетъ: «Я не знаю, спросите у Лидіи Ивановны». Снѣ не распоряжается ничѣмъ, не располагаетъ ни одною копѣйкою; все, что пріобрѣтаетъ, онъ несетъ къ Лидіи Ивановнѣ. Состояніе ихъ маленькое; но что бы «прилично поддерживать себя», какъ выражается Лидія Ивановна, Алексѣй Аѳанасьичъ очень усердно трудится и служить, не имѣя ни малѣйшаго расположенія къ службѣ и труду. Будь онъ одинъ, онъ и не подумалъ бы о службѣ; зимой лежалъ бы себѣ цѣлый день на боку да вырѣзывалъ бы свои силуэтики, а лѣтомъ бродилъ бы по лѣсу за грибами. Свои служебныя занятія онъ считаетъ пустяками, а дѣломъ — вырѣзываніе фигурокъ изъ бумаги, и хотя служебныя занятія очень тяготятъ его, но онъ никогда на это не жалуется и никому не говоритъ, какъ это ему не по сердцу, для того чтобы не огорчить Лидію Ивановну. Развѣ иногда только, когда ужъ придется не въ мочь, когда его завалятъ дѣлами, онъ вздохнетъ и промолвится пріятелю: «Ахъ, если бы побольше средствъ, бросилъ бы все это и посвятилъ бы себя исключительно одному искусству. Вѣдь у меня всѣ наклонности артистическія, вѣдь я рожденъ артистомъ!»

Для Алексѣя Аѳанасьича всѣ знакомые равны; у Ли-

діи Ивановны есть фавориты между знакомыми и между домашнею прислугой: она не можетъ существовать безъ фаворитовъ.

Сыну Алексѣя Аванасьича, Ивану Алексѣичу, двадцать-четыре года, но ему кажется лѣтъ подъ тридцать. Онъ не заботится о своей внѣшности, потому что весь погруженъ въ свой внутренній міръ, весь проникнутъ своимъ призваніемъ. И Лидія Ивановна, вовсе не пренебрегающая внѣшностію, не только прощаетъ ему его небрежность, но находитъ, что въ немъ это иначе и быть не можетъ, потому что всѣ люди высшихъ талантовъ, какъ извѣстно, мало занимались своимъ туалетомъ... Она въ этомъ случаѣ совершенно справедливо разсуждаетъ про племянника: «онъ чудакъ, потому что всѣ поэты немножко чудаки!» и при этомъ съ чувствомъ родственной гордости прибавляетъ: «повѣрите ли, онъ и галстуха даже повязать не умѣетъ, я всегда сама ему повязываю галстухъ».

На этомъ молодомъ стихотворцѣ, не умѣющемъ повязывать галстухъ, основано все счастье, всѣ надежды, вся гордость артистическаго семейства. Это блестящій талантъ, разливающий свой блескъ на все его окружающее; центръ, около котораго группируются остальные семейные талантики. Онъ даетъ тонъ и направленіе всему семейству... Отецъ и тетка, замѣнившая мать, только отражаютъ и распространяютъ его мысли. Тѣ изъ знакомыхъ, которые не безусловно раздѣляютъ этотъ образъ мыслей и имѣютъ неосторожность обнаружить нѣкоторое противорѣчіе, утрачиваютъ обыкновенно доброе расположеніе почтеннаго семейства и причисляются къ людямъ остановившимся, неспособнымъ идти впередъ—просто къ отсталымъ. Чтобы пользоваться его постоянною благосклонностію и радушіемъ, чтобы прослыть въ семействѣ за человека замѣчательнаго и умнаго, необходимо въ каждый данный моментъ стоять въ уровень съ Иваномъ Алексѣичемъ: останавливаться вмѣстѣ съ нимъ, идти впередъ или отодвигаться назадъ. Но и отодвигаясь назадъ, увѣрять и себя и другихъ, что двигаешься впередъ, и что тѣ, которые въ самомъ дѣлѣ идутъ впередъ, останавливаются или отодвигаются назадъ.

Приговоръ сына есть приговоръ окончательный для отца и для тетки. Онъ рѣшилъ, что у сестры Наденьки недостаетъ чувства (можетъ быть потому, что она не такъ восторгается его стихами, какъ остальные члены семейства), и они безусловно приняли этотъ строгій приговоръ, и никакіе факты не разувѣряютъ ихъ въ противномъ. Отецъ, узнавъ объ этомъ въ первый разъ, глубоко огорчился... «Ахъ, жаль—думалъ онъ—Наденька моя дѣвочка славная и добрая, если бы у нея только чувства-то побольше, вотъ ея недостатокъ!»—«Но отчего же недостаетъ у нея чувства?—робко въ то же время шепталъ ему внутренній голосъ:—«когда ты, напримѣръ, боленъ, она и днемъ и ночью ни на шагъ не отходитъ отъ твоей постели, она такъ заботливо ухаживаетъ за тобою...» Старикъ задумывается. У него слезы навертываются на глазахъ при воспоминаніи о томъ, что шепталъ ему внутренній голосъ. «Нѣтъ, что бы ни говорили, а у нея много чувства!» продолжаетъ смѣлѣе внутренній голосъ. Старикъ очень хочется повѣрить внутреннему голосу; но въ эту минуту, какъ нарочно, подвертывается сынъ и начинаетъ съ большимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностію доказывать, *что такое чувство* и почему именно у сестры не достаетъ его. Старикъ мгновенно колеблется, слушая эти краснорѣчивыя рѣчи; онъ заглушаетъ внутренній голосъ и снова повторяетъ про себя: «Жаль мнѣ, очень жаль бѣдную Наденьку!»

Наденькѣ девятнадцать лѣтъ. Въ лицѣ ея много пріятности и много выраженія въ небольшихъ сѣрыхъ глазахъ. У нея есть голосокъ, и она недурно поетъ различные романсы, какъ-то: *Я видѣлъ дѣву на скалѣ, Цветокъ, Сто красавицъ черноокихъ, Любила я*, и проч. Она хорошо сложена и отличается отъ всѣхъ своихъ подругъ простотою обращенія и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ *прекрасныхъ манеръ*, которыя въ сущности не что иное, какъ жеманство и лomanье...

Все это я говорю въ настоящемъ, хотя этому прошло много лѣтъ, но я какъ будто теперь вижу передъ собою девятнадцати-лѣтнюю Наденьку въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ клѣтчатымъ шотландскимъ поясомъ, безпечную и ве-

селую, срисовывающую букетъ цвѣтовъ съ натуры, а противъ нея облокотившагося на столъ молодаго человѣка очень пріятной наружности, внимательно слѣдящаго за движеніемъ ея кисти. Она повременамъ взглядываетъ на него улыбаясь, и въ эти минуты лицо молодаго человѣка сіяетъ счастьемъ. Мнѣ всегда казалось, глядя на нихъ, что они созданы другъ для друга...

Я ѣзжалъ въ домъ Грибановыхъ раза два въ мѣсяцъ, по четвергамъ. Это были ихъ дни. По четвергамъ сходились къ нимъ самые близкіе ихъ знакомые, по большей части артисты и литераторы. Невозможно передать, какое радушіе и гостепріимство царствовало въ этомъ домѣ, сколько искренности расточалось со стороны хозяина, сколько любезности со стороны хозяйки, сколько предупредительности, глубокомыслія и сладкихъ улыбокъ со стороны сына. На этихъ четвергахъ всякій этикетъ былъ изгнанъ; каждый чувствовалъ себя какъ бы дома: гости являлись запросто въ сюртукахъ, приводили съ собой своихъ знакомыхъ, не предупреждая даже объ этомъ хозяевъ, и вновь представленные не болѣе какъ черезъ полчаса ощущали, будто они вѣкъ знакомы въ домѣ... Всѣ засядутъ бывало за круглый столъ, на которомъ дымится исполинскій самоваръ, закурятъ трубки и папиросы, и пойдутъ толки объ искусствахъ и литературѣ. Кто-нибудь изъ присутствующихъ коснется поэзіи, и при этомъ знатокъ русской словесности и отчасти литераторъ, по фамиліи Пруденскій, имѣвшій въ семействѣ репутацію отличнаго декламатора, вскочитъ со стула и съ угрожающимъ жестомъ и густымъ басомъ продекламируетъ новое стихотвореніе Ивана Алексѣича, къ несказанному удовольствію его папеньки и тетеньки, и, окончивъ декламацію, съ тупою улыбкою обведетъ глазами собраніе, сядетъ, и вслѣдъ за тѣмъ посыплется градъ восклицаній: «Превосходно! чудо! какіе стихи и какъ вы декламируете!»

— Удивительно! замѣтитъ Лидія Ивановна, подкатывая глазки подъ лобъ:—а вотъ нашъ Иванъ Алексѣичъ совѣмъ не умѣетъ читать своихъ стиховъ.

— Нечего сказать, такі не мастеръ, возразитъ Иванъ Алексѣичъ, пріятно усмѣхаясь.

— За то ужь писать мастеръ!—прибавить непременно Пруденскій.

— Пишетъ-то недурно, нечего сказать, недурно, промолвить съ самодовольствіемъ отецъ, взглянувъ на сына съ чувствомъ, и потреплетъ его по плечу.

А между тѣмъ приживалка Пелагея Петровна то и дѣло что наливаетъ стаканъ за стаканомъ, такъ-что потъ градомъ льется изъ-подъ чепца ея; паръ отъ самовара и дымъ отъ трубокъ и сигаръ гуще и гуще растилаются по комнатахъ, и въ этомъ чаду трудно уже наконецъ разбирать лица. Между чаемъ и ужиномъ Наденька сядетъ за фортепьяно, пропоетъ: „Сто красавицъ черноокихъ“, а молодой человѣкъ, влюбленный въ нее, станетъ сзади ея стула и дрожащей рукой начнетъ перевертывать ноты. Когда она кончитъ, Лидія Ивановна скажетъ ей бывало: «ну, довольно», кивнетъ головой и обратится къ одной изъ постоянныхъ посѣтительницъ этихъ вечеровъ, барынѣ лѣтъ подъ тридцать, одѣтой съ необыкновенной изысканностію и безпрестанно поводящей плечами и передергивающей.

— Аменаида Александровна, душечка, спойте намъ что-нибудь... У васъ такой прелестный голосъ. Je vous prie...

— Pour rien au monde, ma chère, я не въ голосъ, обыкновенно возразить на это Аменаида Александровна:— я не могу.

— Полноте, полноте, матушка, вы всегда въ голосъ, замѣтитъ Алексѣй Аванасъичъ:—садитесь-ка, садитесь-ка, что тутъ много толковать...

— Я вамъ говорю, что я не могу. Comme c'est drôle!...

Тогда сынъ подойдетъ къ Аменаидѣ Александровнѣ и начнетъ упрасивать ее... Наконецъ барыня рѣшится, встанетъ, сброситъ съ себя мантилью, обнажитъ свои плечи, обернется и подойдетъ къ фортепьяно. Здѣсь, впрочемъ, начнется опять: «ей Богу я не могу, у меня болитъ горло; я не знаю, сколько времени я не пѣла», и тому подобное... Но дѣло всегда кончится тѣмъ, что барыня затынетъ:

Цвѣтокъ засохшій, безуханный...

Или:

Коварный другъ, но сердцу милый, и проч.